Философия и будущее цивилизации : тезисы докладов и выступлений VI Российского философского конгресса. В 3 т. — М., 2005. — Т. 3. — С. 622.

2. Зиммель, Г. Понятие и трагедия культуры / Г. Зиммель // Избранное в 2 т. — Т. 1. — М., 1996. — С. 145.

3. Фуко, М. Воля к истине. Потустороннее знание / М. Фуко. — М., 1996. — С. 196.

4. Фуко, М. Этика заботы о себе как практика свободы / М. Фуко // Вестник гуманитарной академии. Сер. «Философия». — 2007. — № 1. — С. 256.

5. Мазаева, О. Г. Философия. Об этимологическом основании превратностей ее судьбы / О. Г. Мазаева // На пути к новой рациональности. Методология науки. Вып. IV. Методология дополнительности: синтез рациональных и иррациональных методов и приемов исследования. — Томск, 2003. — С. 32.

6. Ясперс, К. Введение / К. Ясперс // Всемирная история философии. — СПб., 2000. — С. 182–189.

7. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Соч. в 2-х т. — М., 1980. — Т. 2. — С. 400–401.

8. Морева, Л. Введение в постмодернистическую ситуацию и некоторые выводы из нее. Репетиция / Л. Морева // Язык и текст. Онтология и рефлексия. — СПб., 1992. — С. 335.

9. Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. — 2009. — № 9. — С. 77–78.

10. Семенов, В. Е. Об оптимальных условиях производства и трансляции философского знания / В. Е. Семенов //

«Кредо»: теоретический журнал. — СПб., 2007. — № 1(49). — С. 46–47.

11. Доватур, А. Платон об Аристотеле / А. Доватур // Вопросы античной литературы и классической философии. — М., 1966. — С. 140.

12. Гусейнов, А. А. О философах и профессорах философии (беседа с членом-корреспондентом РАН А. А. Гусейновым) / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. — 1998. — № 3. — С. 138–140.

13. Косилова, Л. Философия: призвание или профессия. [Электронный ресурс]. — URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/kosilova_filosofija/ (дата обращения 20.06.2012).

14. Мамардашвили, М. Проблемы сознания и философское призвание / М. Мамардашвили // Как я понимаю философию. — М., 1990 — С. 141–156.

15. Марсель, Г. В защиту трагической мудрости / Г. Марсель // Путь в философию. Антология. — М., 2001. — С. 243.

ЗЕНЕЦ **Нина Геннадьевна**, кандидат философских наук, доцент (Россия), доцент кафедры философии с курсом истории Отечества.

Адрес для переписки: e-mail: df_zenec@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.06.2012 г.

© Н. Г. Зенец

УДК 130.3

Е. В. КУЗНЕЦОВА

Набережночелнинский филиал
«Университет управления «ТИСБИ»

ИДЕНТИЧНОСТЬ СУБЪЕКТА: ТИПОЛОГИЯ ВИДОВ

Автор статьи рассматривает проблему идентичности субъекта со стороны различных подходов отечественных и зарубежных исследователей. Она выделяет разнообразные виды идентичности в зависимости от того или иного общественно-исторического этапа существования человечества. Автор приходит к выводу, что для наиболее точного самоопределения современному субъекту необходимо сочетать все формы идентификации.

Ключевые слова: идентичность субъекта, глобализация, трансцендентальная идентичность, виды идентичности, коммуникация.

Немало исследований процесса идентификации личности происходит на стыке ряда наук: философии, социологии, психологии, антропологии, этнографии, культурологии. И это не случайно, так как каждая из вышеперечисленных наук имеет свои парадигмальные установки и методологические принципы, что позволяет изучить различные составляющие процесса идентификации с различных позиций. Чем больше исследователей взаимодействуют друг с другом, тем более полным становится рассмотрение этой проблемы, ведь идентичность — это также результат многочисленных взаимодействий на культурном, этническом, лингвистическом и других уровнях. И мы в своей работе постараемся представить разнообразные подходы к проблеме самоидентификации личности, а также выделить виды идентичности.

Но прежде всего попытаемся методологически дифференцировать понятия «идентичность» и «идентификация». Отметим, что различия между ними носит не сущностный характер, а семантический и практический, так как за ними подразумевается одна и та же феноменологическая реальность. Как правило, первое — результат, второе — процесс.

В зависимости от социокультурных условий на разных исторических этапах существования человека мы выделяем следующие типы идентичности (табл. 1), сформированные и доминирующие в ту или иную историческую эпоху.

Этническая идентичность — один из основополагающих видов идентичности субъекта. Это обусловлено тем, что этническая идентичность означает взаимосвязь субъекта со своими кровными узлами, «корнями», что лежит, безусловно, в основе

Историческая эпоха	Хронологические рамки	Содержание культурной деятельности человека	Доминирующий тип идентификации
1) Первобытность	30 – 40 т. л. назад	Адаптация к природным условиям, полное слияние в сознании «Я» и «Мы»	Эмоциональная идентификация
2) Древнейшие цивилизации	5 тыс. до н.э.		Этнокультурная идентификация
Античность	2,5 тыс.л. до н.э. – V в н.э.	Появление письменности, осознание человеком себя частью универсума	Этнокультурная идентификация
Средневековье	V – XV века	Религиозная деятельность (теологическая культура), соблюдение религиозных обрядов и ритуалов	Религиозная идентификация
Возрождение	XIV – XVI века	Стремление к совершенству, к идеалу, гуманизм, антропоцентризм	Начало формирования социокультурной идентификации
Новое время	XVII – XIX века	Рационализм, научно-технический прогресс	Социокультурная, национальная, лингвистическая идентификация
Новейшее время	XX – XXI века	Продолжение научно-технического прогресса, плюрализм, рефлексия	Мыслительная, или трансцендентальная идентичность

процесса самоопределения каждого человека. Основные теоретические подходы к анализу понятия этнической идентичности реализуются в основном в рамках психологических и социопсихологических исследований. Исторически один из основных подходов к проблеме идентификации личности — это психоанализ, основателем которого является З. Фрейд. Проблема идентификации рассматривалась впоследствии в психоанализе теории Г. С. Салливан (межличностный психоанализ), Э. Фромма (гуманистический психоанализ), Э. Эриксона (эпигенетический анализ).

Один из более поздних подходов в психологии к объяснению этнической идентичности — бихевиористский. Бихевиористы полагают, что процесс идентификации является следствием межгруппового конфликта. Они выделяют критерий важности внешнего признака принадлежности индивида к своей группе. Исследования подтверждают, что в ряде случаев по внешнему сходству человек может себя идентифицировать одновременно с двумя этническими группами при условии, что эти этносы схожи друг с другом внешне, например, белорусы и русские. Но если этнические группы не схожи друг с другом, тем более, если это разные расы, то ребенок из смешанной в расовом отношении семьи будет чужим для обеих рас. Представители деятельностного подхода считают, что процесс идентификации определяется межгрупповой деятельностью. Этническая идентичность — образование динамичное, и различные факторы могут влиять на ее формирование и изменение, приводя к трансформации, особенно в случае смены среды проживания или в случае межэтнического брака.

Отметим в качестве вывода, что изучение этнической идентичности не случайно привлекает к себе внимание исследователей в последние десятилетия. Политические события 1990-х годов значительно активизировали этнополитические и этноконфликтные процессы, не только в России, но и во всем мире. Сложившиеся под влиянием ряда факторов (глобализация, интеграция, объединение Европы и др.) этнонациональная ситуация в современном обществе, проявляющаяся и на личностном уровне, и на групповом, требует ответственного и глубокого анализа многих понятий и категорий. Вытеснение этнической идентичности другими

видами социальной идентичности, например, гражданской, очень опасно для идентичности человека в целом. Это грозит разрушению «Я-образа», потерей связей к любой культурой в мире, потерей себя в этом мире.

Очень тесно с этнической идентичностью связана идентичность религиозная. Остановимся на соотношении религиозных и этнических общностей на разных этапах исторического развития человечества. В первобытнообщинную эпоху и в раннеклассовом обществе этнические и религиозные границы в основном совпадали. С возникновением мировых монотеистических религий — христианства и ислама — этнические границы перестали совпадать с религиозными, в эпоху Средних веков этническое самосознание вытеснялось религиозным. В последующие эпохи религиозная принадлежность теряла связь с этнической, уже не отождествлялась с ней и не подменялась. В состав одного и того же этноса стали входить люди, исповедующие различные религии, хотя еще и сохранились некоторые национальные религии: армяно-григорианская церковь — у армян, синтоизм — у японцев.

В мусульманских странах ситуация складывается несколько иная: этническое самосознание продолжает подменяться религиозно-общинным. Так, в арабских странах к этническим меньшинствам относят всех немусульман, а также тех, кто принадлежит к различным направлениям ислама, не являющимися господствующими в данной стране.

Как и для этнических общностей, так и для религиозных характерна иерархичность. Любая религия состоит из различных направлений, течений, сект, церквей. И даже если страна является, например, полностью христианской, то ее жители могут относить себя к различным течениям и церквям христианства. Так, немцы (жители ФРГ) исповедуют протестантство (лютеранство) и католицизм. Среди шотландцев также есть и протестанты, и католики. А в США зарегистрировано 260 церквей, в основном, христианских.

Принадлежность разных представителей одного и того же народа к нескольким церквям ведет, как правило, к образованию внутри одного этноса различных этнорелигиозных групп. Такими группами являются старообрядцы в составе русского народа, кряшены в составе татар, копты — египтян, йези-

ды — курдов. Данные этнорелигиозные группы отличаются от того этноса, внутри которого они сформировались, культурно-бытовыми различиями, т.е. традициями, обычаями, образом жизни.

Несмотря на научно-технический прогресс второй половины XX века, влияние религии по-прежнему велико. Многие политические и социокультурные процессы происходят по той или иной причине религиозного характера или в тесной взаимосвязи с религией. Учитывать религиозный фактор тем более необходимо, если мы сегодня даем оценку событиям на межэтнической основе, межкультурной или межрелигиозной.

Еще один из существенных факторов, оказывающих зачастую решающее воздействие на субъекта при формировании его идентичности, — язык. Язык и народ тесно взаимосвязаны друг с другом. Гумбольдт считает, что мышление и менталитет нации определенным образом формируют структуру языка. В частности, он указывает, что флективные языки по своей структуре характерны для тех народов, которые встали на «путь сосредоточенного раздумья» [1, с. 145]. Под своей формулой «язык — это дух народа» Гумбольдт понимает «особую форму звуковой материализации мыслительной и психической деятельности, присущей всем без исключения носителям национального языка» [1, с. 150]. В любом случае всегда индивидуальная интерпретация языка определена сложившимися языковыми стереотипами нации. Необходимо упомянуть в этой связи о существовании неких языковых формул, которые присутствуют в каждом языке.

Например: Das ist ...

There are (is) ...

How do you do?...

При этом в каждом языке присутствуют и так называемые «свободные единицы». Соответственно, и речь каждого индивида включает в себя как «формулы», так и «свободные единицы». Но в целом ментальные особенности нации раскрывают в наибольшей степени «формулы», куда можно включить не только устойчивые структуры различного рода, но и фразеологизмы. Понимание фразеологизмов невозможно без знания культуры народа. Собственно, все языковые единицы обладают определенной культурной наполненностью только в разной степени. А. Ф. Лосев справедливо отмечает, что «в слове и, в особенности, в имени — все наше культурное богатство, накопленное в течение веков».

Определению принадлежности субъекта активно способствуют невербальные средства — параязык. Формирование параязыка обусловлено теми же факторами, что и формирование самого языка, а именно: культурой, ментальностью нации, особенностью психики ее представителей. При этом в параязыки включаются следующие средства: мимика, жесты, расстояние между собеседниками, различного рода кинесические проявления. Все эти проявления совершенно различны у разных народов и, соответственно, по-разному проявляется информация, в качестве самого известного примера здесь можно привести кивок головой, который в Болгарии означает «нет», а в России означает «да».

Таким образом, лингвистическая идентификация личности — процесс не менее сложный, чем этническая или национальная. И если мы имеем дело в коммуникации с вербальными и невербальными характеристиками речи субъекта, то мы должны учитывать все их богатство, идентифицируя того или иного субъекта.

С лингвистической идентификацией коррелируется еще один тип идентификации личности — национальная идентификация, поскольку язык — это один из основных признаков, определяющих принадлежность субъекта к определенной национальной общности. Переход от феодализма к капитализму, согласно теории марксизма, обусловили образование такой этносоциальной формы объединения людей, как нация. Во многих исследованиях подчеркивается, что нация — это явление Нового Времени.

В зарубежных исследованиях термин «нация» на настоящий момент приобрел политический смысл — принадлежность людей к одному (национальному) государству. Принятое в отечественной научной литературе определение понятия нации исходит из решающей роли экономических факторов в формировании данного вида социальной общности. Но нам ближе позиция тех ученых, которые склоняются к так называемой постмодернистской концепции и вкладывают в понятие «нация» политическое содержание. Она более современна в сравнении с марксистским подходом и более применима для России, так как в нашей стране проживает множество народов, и отечественная культура — это сложный сплав самых разных этнических элементов. С данной точки зрения мы и посмотрим на проблему национальной идентичности в представленной работе. То есть в нашем понимании национальная идентичность будет тождественна гражданской идентичности.

Многие исследователи справедливо указывают (М. Сэмлюк, С. Уокер), что окончание «холодной войны» и изменения, произошедшие на политической карте мира в течение последнего десятилетия, привели к кризису идентичности многих государств, так как все страны были вынуждены пересмотреть свою роль и статус на международной арене [2, с. 78]. У. Блум рассматривает взаимосвязь национальной идентичности и влияние политического поведения и выделяет три типа отношений между указанными феноменами [3, с. 89].

Тип 1. Национальная идентичность как ресурс внешней политики. Примером такого рода взаимосвязей идентичности и внешней политики может служить мессианский национализм. Мессианское видение мира приводит обычно к агрессивным действиям данной нации по отношению к другим странам. Как правило, именно пропаганда «мессианства» лежит в основе империализма (Россия, Польша).

Тип 2. Внешняя политика как инструмент создания нации. Внешняя политика играет особую роль для определения идентичности государства (государства, образовавшиеся после распада СССР и Югославии, и выбирающие в качестве своего партнера и покровителя Россию или США, по-разному, в зависимости от созданного образа, будут определять идентичность).

Тип 3. Национальная идентичность, мобилизованная негосударственными акторами, определяет внешнюю политику. Это происходит в тех случаях, когда какие-либо общественные идеи получают статус государственные и влияют на внешнюю политику страны.

Отличительной чертой современного глобализирующегося мира являются утверждения многих государств об отсутствии у них внешних врагов. Уже совершенно очевидным становится факт разрушения экономических границ, стирания политических и культурных противоречий. Между группами государств возникает тесный социально-психологиче-

ский облик, меняется имидж государств, меняется и национальная идентичность их граждан.

В настоящее время — время постоянных изменений и катастроф, потрясений и взрывов — рушатся многие представления, в том числе и те, на которых базировалась в течение ряда десятилетий и столетий традиционная идентичность личности. Со временем идентификация человека значительно усложнилась, и это было связано, в первую очередь, с усложнением межличностных отношений в обществе. В процесс идентификации стали вмешиваться такие факторы, как профессиональный род деятельности, социальная мобильность, принадлежность к социальному страту. Развитие культуры и общества привели к расширению спектра идентификации, то есть к появлению новых видов идентичности и новых видов исследований в этой области.

Одним из наиболее ярких представителей социологической мысли, занимавшихся проблематикой идентификации личности, является Э. Дюркгейм. Решающую роль в развитии человека он отводит социальному фактору, в основе которого лежат коллективные представления больших общностей людей. К таким представлениям Дюркгейм относит целостную систему идей, обычаев, религиозных верований, моральных установок, общественных институтов [4]. Они и являются образцами и элементами для идентификации личности в процессе его жизни. Дюркгейм говорит о том, что в каждом из нас присутствуют два существа, одно из которых состоит из всех умственных состояний, относящихся к исключительно личной жизни субъекта. Это индивидуальное «Я». Социальное «Я» — второе существо в человеке — представляет собой совокупность взглядов, чувств, привычек. Э. Дюркгейм отмечает, что важно к только родившемуся эгоистичному и асоциальному существу добавить социальное существо. «Процесс добавления этого существа к личному существу, их соединение в единое целое и есть процесс идентификации личности по Дюркгейму формирование личностной «Я-концепции».

Проблемой социального взаимодействия активно занимается немецкий социолог М. Вебер. Он отмечает, что специфика социального взаимодействия зависит от типа солидарности, которых, в свою очередь, Вебер выделяет два: органическая и механическая солидарность. От характера социальных действий зависит тип социума в целом, детерминирующий, соответственно, социальную идентичность человека.

В свою очередь, К. Хорни большое значение в своих исследованиях идентичности субъекта придает влиянию социокультурных детерминант. Так, она считает, что социокультурные условия оказывают глубокое влияние на развитие и функционирование индивида [5]. Социокультурные факторы, с ее точки зрения, объясняют многое в межличностных отношениях людей. Изучением закономерностей развития человека, условий и движущих сил его психики занимались американские культурантропологи. Ф. Боас осуществлял сравнительное исследование процессов взросления у разных народов, живущих в разных культурных условиях. Он убежден в том, что формы поведения подрастающих поколений детерминируются не только биологическими факторами, но и свойствами конкретной культуры [6, с. 84 — 98].

Для известного философа, психолога и методолога Г. П. Щедровицкого самоопределение есть самый важный акт для всякого человека в его жизни. Он

пишет: «Если обстоятельства складываются таким образом, что самоопределения не происходит, то человек не становится» [7, с. 58]. Самое важное при осуществлении самоопределения для человека, как он считает, — выход в рефлексию. Первым уровнем рефлексии Щедровицкий называет рассмотрение человеком бывших рамок своей жизни как предмета своего действия. Второй уровень рефлексии — выход на позицию рефлектирующего уже по отношению к себе рефлектирующему, «таким образом формируется второй уровень рефлексии и оформляющего ее мышления, который объединяет рамки прошлой работы и нас, рефлектирующих по поводу нее». Оформляется же рефлексия в мыслительной форме, а значит, в речевом выражении, то есть коммуникация выступает в концепции Щедровицкого как основное условие для осуществления рефлексии и, следовательно, самоопределения.

Рефлексия выступает внутренним механизмом социокультурной идентификации еще у ряда авторов. В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев отмечают, что рефлексия направлена на самоопределение и обусловлена многообразными реально-практическими ситуациями социального бытия человека, требующими от него развитого умения грамотно взаимодействовать с другими людьми [8, с. 94]. Только становясь частью универсума, или мировой культуры, человек в полной мере становится личностью или человеком, как считает Г. П. Щедровицкий. Таким образом, мыслительная, или трансцендентальная самоидентификация — это высшая форма самоидентификации личности.

Каждая историческая эпоха имеет определенные доминанты своей духовной жизни, которые накладывают сильнейший отпечаток на развитие человеческой личности и формирование ее идентичности. Очевидно, что современные социокультурные процессы протекают на фоне общего глобального возрастания числа коммуникативных контактов. Глобализация — это тенденция, охватившая мир с середины XX века, для которой характерны интеграция материального производства, создание транснациональных корпораций, взаимодействие в сфере духовной культуры. Глобализация — многоаспектное и сложное явление, сопряженное с рядом трудностей и содержащее в себе немало опасностей. Одна из опасностей — это американизация и угроза утраты народами своего этнокультурного своеобразия. Утрата самобытности может привести в будущем к универсализации и полной гомогенности общества, к потере народами в целом и отдельно взятыми субъектами своего самоопределения. Между тем, самоопределение служит основой свободного выбора человека. Выбора тех духовных, нравственных ориентиров, мировоззренческих позиций, которыми он хотел бы обладать. Идентификация личности есть осознание ответственности перед обществом и перед самим собой. И для наиболее полного самоопределения человеку необходимо сочетать все виды идентификации в процессе социального взаимодействия, или коммуникации.

Библиографический список

1. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1985. — 450 с.
2. Киселёв, И. Ю. Динамика образа государства в международных отношениях / И. Ю. Киселёв, А. Г. Смирнова. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. — 145 с.
3. Bloom, W. Personal Identity, National Identity and International Relations / W. Bloom. — Cambridge, 1996. — 123 p.

4. Дюркгейм, Э. Социология образования / Э. Дюркгейм. — М.: Наука, 1996. — 258 с.

5. Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни. — М.: Апрель-пресс; Эксмо-пресс, 2000. — 246 с.

6. Boas, F. Some Problems of Methodology in the Social Sciences / F. Boas // The New Social Sciences — University of Chicago Press. — 1930. — P. 84–98.

7. Щедровицкий, Г. П. На досках. Публичные лекции по философии / Г. П. Щедровицкий. — М.: Изд-во Шк. культ. пол-лит, 2004. — 196 с.

8. Слободчиков, В. И. Основы психологической антропологии / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. — М.: Школа-пресс, 1995. — 198 с.

КУЗНЕЦОВА Евгения Владимировна, кандидат философских наук, доцент (Россия), заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин, заместитель директора по научной работе.

Адрес для переписки: e-mail: kuznetzova.evge-niya2012@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2012 г.

© Е. В. Кузнецова

УДК 111.11

Т. Г. ЛОБОВА

Омская государственная
медицинская академия

ЕСТЕСТВЕННАЯ НЕЕСТЕСТВЕННОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Многие привычные и, казалось бы, незыблемые основания человеческого существования сегодня радикально трансформируются: время, пространство и наше собственное тело больше не являются «гирями» для «воспаренной к небесам» души. Однако действительно ли мы воспарили в небо, а не впали в очередную иллюзию, попав в плен игр собственного разума, который, возможно, уже и не принадлежит нам!

Ключевые слова: тело, образ тела, культура, цивилизация, природа.

«Плоть и кровь — это, так сказать, «человеческое, слишком человеческое», только-человеческое в противоположность божескому.

«Живущие по плоти о плотском помышляют» — эти слова апостола Павла (Рим.8:5)

содержат не хулу на телесное измерение человеческого бытия, но приговор порочному кругу эгоистической самозамкнутости, отвергающей высшее и свой долг перед ним.

С.С. Аверенцев.

«Брак и семья»

Символическим героем современности признан Нарцисс. Жизнь последнего — это жизнь с ощущением *постоянной нехватки, дефицита*, причина чего — фундаментальная неудовлетворенность реальным собой и «неспособность более выносить самого себя» (Э.-М. Чоран). Нарцисса пугают разного рода *раны*, поскольку они всегда связаны с переживанием и ощущением боли: раны внешние (внешний трагизм) провоцируют раны внутренние. Речь идет о травмировании представления об идеальном образе Я, сконструированного контролирующими масс-медиа. Этот образ полностью *экстравертирован*: он определен и внешне (имидж как презентация себя вовне), и внутренне (интересы, мечты, ожидания). Возможно ли в этой ситуации говорить о «тайне личности»? Есть ли эта *тайна* у Нарцисса?

Нарцисс не столько продукт «общества потребления», он, фактически, закономерный итог длительного процесса развития/«прогресса» европейской цивилизации, берущей свое начало в эпохе Нового времени. Он есть порождение Цивилиза-

ции, и он же (его желания, амбиции, интересы, его страхи) является ее движущей силой. Она для него необходимая среда существования, в другой среде (Природе) — он просто не сможет выжить. Поэтому сегодня «цивилизация — наш наркотик, мы настолько отравлены им, что привязанность к ней представляет из себя феномен привыкания... Цивилизация со всеми своими атрибутами покоится на нашей склонности к ирреальному и бесполезному. Согласись мы сократить наши потребности — и она бы рухнула в одночасье. Поэтому, чтобы продлить свое существование, она стремится пробуждать у нас все новые потребности и бесконечно множить их, ибо всеобщая практика атараксии имела бы для нее более тяжкие последствия, чем самая разрушительная война» [1, с. 47–48]. О чем же идет речь?

Достижения современной цивилизации, благодаря научным исследованиям и открытиям, делают возможным радикальную трансформацию природы человека. Усовершенствование этой природы (преодолевшей дихотомию «живое — неживое», «ис-